О «жертвах» татарского генофонда

На прошлой неделе Искандер Измайлов опубликовал свою рецензию на статью большого коллектива авторов под руководством Е.В. Балановской и О.П. Балановского, опубликованной в «Вестнике МГУ» под названием «Татары Евразии: своеобразие генофондов крымских, поволжских и сибирских татар». Претензии к авторам статьи в основном касались вопросов терминологического и методологического характеров, однако самое интересное — получалось, что татары, и в принципе любые этносы, не могут быть объектом исследования генетиков. Автор рецензии и возмущался, и навешивал ярлыки, и задавался риторическими вопросами, на которые сам же потом пытался ответить. Однако в итоге, как и несколько десятилетий назад, получилась весьма неуклюжая попытка в наукообразном стиле вновь обвинить геногеографию во всех смертных грехах.

Популяционная генетика пережила несколько периодов своего становления и возрождения. Предъявляемые претензии и вопросы по методологии уже решены предшествующими поколениями ученых (причем не только генетиков, но и антропологов и этнологов). Об этом свидетельствует огромное количество геногеографических работ экспериментального и методологического характера. Но даже не имея представления о геногеографии, этнографу следует знать о базовых для этнографии понятиях, таких как, например, эндогамия (кстати, биологический термин) из-за которого в принципе существует этнос.

Классик этнографии Ю.С. Бромлей еще в 1969 г. видел в эндогамии институт, который соотносил этнос и популяцию. Последнее известно именно как объект исследования генетиков. Однако он выразил мысль, которая уже давно в той или иной форме отражалась в работах этнографа Широкогорова, антропологов Рогозина, Бунака. Даже у убранизированных этносов степень этногамии может достигать 90%. Генетики экспериментальным путем выработали свой критерий для определения популяции, для формирования которой достаточно 50% браков внутри сообщества. Именно принцип эндогамии лег в основу работ по популяционной генетике, о чем в своих докладах постоянно подчеркивают руководители обсуждаемого исследования.

Теперь об объекте исследования, которого так рьяно пытается лишить генетиков Измайлов.

Во-первых, сам факт существования нескольких этнических общностей с этнонимом «татар» и некоторыми общими приоритетами идентичности уже дает основания исследовать их генофонды. Этносы определяются самосознанием, но рассматривают-то их с разных позиций: мы – исследуем генофонды.

Во-вторых, Измайлов постоянно повторяет мысль о том, что якобы нигде не говорилось, что существовала экстерриториальная общность татар крымских, сибирских и поволжских. Однако обратимся к многотомнику «История татар», посвященных ордынскому и постордынскому периодам. Разве не этими экстерриториальными общностями перед нами предстают «татары» – служилое население политического пространства джучидов? По логике многотомника, формированию современных татар предшествовало несколько веков активной миграции, политического и семейно-брачного взаимодействия в рамках одной и той же этносоциальной группы населения. Иначе получается, что довольно продолжительное время существовала консорция без функций воспроизводства своего потомства. Более того, выбор спутника жизни был сильно ограничен и регламентирован социально-стратовой категорией. В этих условиях невозможно представить, чтобы многовековое взаимодействие этого населения на широком ордынском пространстве не сформировало хотя бы общих черт в генофондах популяций Поволжья, Крыма и Западной Сибири. Согласно логике самого многотомника в генофонде именно у носителей этнонима «татар» мы и должны обнаружить следы этой общности. По панели маркеров которую применили генетики, генетической преемственности между современными татарами и служилым населением Орды я не увидел. Однако это тоже результат. Мной уже выдвигалась версия о том, что татары Поволжья сформировались в рамках процесса интеграции тюрко-мусульманского населения в социальную структуру Российского государства и весьма слабо связанны с этносоциальными структурами Орды.

Приводя цитату из статьи о том, что этноним «татар» был принят в качестве самоназвания в начале XX в. со ссылкой на Бартольда, Искандер Лерунович назвал ее слепой, а взамен предложил свою статью из Википедии. Далее Измайлов перечисляет авторитетных ученых и просветителей, таких как Шихабутдин Марджани, Каюм Насыри, Хади Атласи и др. Призванных, по его мнению, закрыть тему о том, что тюрки Поволжья уже давно приняли этноним «татар» в качестве самоназвания. В этом плане интересно, почему тюркские интеллектуалы в 19 – начале 20 вв. вообще задавались вопросом о том, как надо называть себя и свою общность? Ведь если бы народ столетиями уже имел свой этноним, то этого делать не надо. Не потому ли они решали этот вопрос, что в среде казанлы, мишарей, мусульман чувашей (не говоря уж о крымских и сибирских тюрках) еще не было конкретного общего этнонима? Такое бывает, что общность в регионе возникла, а этноним не устоялся.

Следующий аспект, затронутый рецензентом, касался этнотерриториальных групп: почему используется термин «поволжские», а не «волго-уральские» татары.

Конечно термины очень важны, ведь они определяют этнические категории, но разве термин «поволжские татары» неверный?

Он раскрывает суть общности, недвусмысленно указывая на ареал его этногенеза, а главное, без претензий на этнокультурную экспансию. Или после выхода «Татары» этот термин безнадежно устарел?

Серьезные вопросы у Измайлова вызвали версии происхождения татар. Действительно этим вопросам в статье в «Вестнике МГУ» уделено немного места, но это тот максимум объема, который положен в биологической статье. Далее, как видим, идет обзор литературы, посвященный геногеографии татар – что логично – в статье по популяционной генетике раскрывать надо в первую очередь работы именно по этой дисциплине. Однако негодование Искандера Леруновича вызвал тот факт, что этнографический труд, в котором он принял деятельное участие, был упомянут лишь через запятую.

В связи с этим, предлагаю Искандеру Леруновичу самому, как этнографу, заняться генофондом татар и набрать ссылок в этих работах как полагается – ведь он считает, что это мы вторглись в его вотчину, а не наоборот. Однако Измайлов справедливо отмечает: «Не буду касаться популяционной генетики, так как это не является моей специальностью».

Однако истинный мотив раскрывается в конце. Оказывается, рецензируемая статья генетиков свой научностью прикрывает целый заговор против татарского народа, конечной целью которого является «расшатать единство татарской нации». Надо сказать, Измайлов приложил немало усилий для эффективного функционирования идеологии татаризма, поэтому подобного рода переходы от науки к идеологи и обратно, наверное, кажутся для него явлением порядковым, чего не скажешь об остальной российской этнографической науке, которая с некоторым удивлением наблюдала за метаниями татарстанских этнографов между крайностями в конструктивизме и примордиализме. По их мнению, все этносы вокруг татар конструируемые (и чуваши суть сословие, и башкиры), сама же татарская этничность – несменяемая константа.

к.и.н. Юлдаш Юсупов